

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ: ПРАКТИЧЕСКОЕ ВВЕДЕНИЕ

Введение в историческую критику

Цель: раскрыть генезис, основные этапы становления и развития научных представлений о художественной литературе с позиций исторической критики, объяснить суть ее теорий и концепций, получивших распространение в интерпретации литературы и культуры.

Ключевые слова: историческая критика, историзм, история литературы.

Художественное произведение нельзя интерпретировать вне биографического и исторического контекста и вне истории литературы. Во всякой биографии автора как в зеркале отражается историческая эпоха. Во всяком художественном тексте, таким образом, созданным этим автором, так или иначе присутствует и время его написания. Историко-биографический комментарий к тексту – важное подспорье в его правильном истолковании, особенно если текст и читатель сильно разведены в историческом времени. Так, современные читатели, особенно не англичане, не поймут политического подтекста шекспировских пьес, могут не знать отдельных исторических деталей, описываемых автором. Знание эпохи и биографии Шекспира позволяет нам понять многое, что могло бы пройти мимо нашего восприятия.

Реципиент обычно истолковывает тексты прошлого исходя из современных своих представлений и в контексте современных литературных направлений и течений. Так, в эпоху реализма неправильно трактовался романтизм. В эпоху постмодернизма многие художественные тексты, написанные в традиционной реалистической эстетике, перестают казаться актуальными, решающими какие-то важные человеческие задачи, привлекают намного меньше внимания. В еще больше степени за бортом скажем, европейской читательской аудитории остается литература отдельных национальных регионов прежних эпох – например, Средневековья или различных национальных форм дореалистического искусства Африки и пр.

Однако произведение литературы всегда должно восприниматься современным читателем в исторической контексте. Аргументы о значении литературного текста часто легко добываются путем обращения к истории. История является мощным аналитическим инструментом, потому что она обычно обеспечивает достаточно прочную основу для того, чтобы выявить истинный смысл произведения. Как известно, многие вещи в пьесе Шекспира «Король Лир» касаются конфликтов между парламентом и королем. Это в меньшей степени трагедия с универсальными ценностями, чем скрытая, имплицитная полемика, смысл которой обуславливается историческими условиями, в которых она была создана.

Однако историческое изучение литературы – направление, теряющее популярность с течением времени. Но до Второй мировой войны оно пользовалось огромной популярностью – особенно в Соединенных Штатах. Произведения Шекспира ученые-филологи прочитывали, например, как намеки на исторические события. Упоминание корабля под названием Тигер в пьесе «Отелло» рассматривалось как ссылка на фракционные споры в суде королевы Елизаветы I, поскольку Тигер фактически был кораблем, связанным с лидером одной из фракций. После Второй мировой войны подобные исследования были признаны по большей части бесполезными. Прямые ссылки на историю исчезли и были заменены «литературной историей». Сегодня история литературы ограничивает свой круг литературными вопросами и изучает такие литературные движения, как, например, модернизм или сентиментализм. Иногда она затрагивает и экстралитературные исторические проблемы, например такие, как капитализм влияет на мышление писателей.

В Великобритании историческое изучение литературы и культуры процветало и после Второй мировой войны. Так, историк Э. П. Томпсон вновь проявил интерес к изучению культуры в своем «Создании английского рабочего класса» (1957). В течение определенного послевоенного периода Раймонд Уильямс стал ведущим ученым, рассматривающим отношения между литературой и историей. В работе «Страна и город» (1956) он изучал эволюцию английской литературы с точки зрения того, как литература изображает напряженность между сельской и городской жизнью.

Вслед за социальными движениями 1960-х годов ученые в Соединенных Штатах вновь обратились к истории как к источнику смыслов для понимания литературы. В связи с феминистскими заявлениями женщин, этнических и гендерных меньшинств стало трудно продолжать изучать литературу по «универсальным» темам, вне исторического и социального контекста.

Однако эти ученые-«новые историки» больше не вернулись к прежней форме исторического исследования. В частности, они использовали новую французскую постструктуралистскую теорию, а также антропологические теории культуры. Такие ученые, как Стивен Гринблатт, утверждали, например, что литературу следует понимать в русле коллективных убеждений, социальных практик и культурных дискурсов, которые преобладали в тот период, когда она была написана. Гринблатт видит те же риторические операции в литературных произведениях, которые он находит и в смежных текстах из работ исторического плана. Например, он замечает, что английские поселенцы обманывали туземцев, притворяясь обладающими «невидимыми пулями», которые на самом деле были европейскими болезнями. Притворяясь, что такие пули свидетельствовали о вмешательстве Бога на стороне европейцев, европейцы, казалось, подорвали и свои религиозные убеждения. Если религия – всего лишь устройство, чтобы обманывать доверчивые массы, чтобы они были более послушными, как можно утверждать, что религия истинна? Точно так же Шекспир в своих пьесах о «Генрихе» включает такие элементы, как революционные речи Фальстафа, которые, похоже, подрывают легитимность монархии, но эти субстантивные моменты в конечном счете сводятся к общей риторической цели всех шекспировских текстов, которая заключается в легитимности сильной монархии. Попытка подорвать авторитет власти вкуче с ее отрицанием превращается в положительное условие власти.

Историческая интерпретация литературы нередко создает проблемы для студентов-первокурсников с факультетов литературы. Обычно требуется, чтобы чтение выходило далеко за пределы литературного текста – в исторический архив, например. Наилучший исторический анализ художественного текста получается, когда человек погружается в первичные источники исторического исследования, написанные профессиональными историками. То, что называется «история литературы» или «литературно-историческое» исследование, часто весьма ограничено по сравнению с тем, что делают настоящие историки. Например, изучая роман «Алая буква» Натаниэля Хоторна, можно обнаружить, что исследователи избегают слишком углубляться в исторические источники дискуссий между вигами и демократами в девятнадцатом веке. Вместо этого они сосредоточены на том факте, что дискурс о пуританском обществе семнадцатого века и утверждение Хоторна, который был заядлым демократом, были слишком ироничными и двусмысленными по своему тону. Но если вы прочитаете историков, возникает совершенно другая картина. В полемике девятнадцатого века виги назывались демократами – «пуритане». Как и пуритане XVII века, виги работали на объединение церкви и государства, религии и права. Итак, роман, который, как утверждают литературоведы, касается Америки семнадцатого века, на самом деле относится к Америке девятнадцатого века, но никто об этом не узнал бы, если бы не исследования историков.

Исторические свидетельства такого рода могут помочь умерить претензии тех, кто почти религиозным образом утверждает, что литература настолько неоднозначна, что ее значение должно быть сродни духовной истине. Это скорее вопрос веры, чем доказательств. Такие слова, как «ирония» и «двусмысленность» имеют плохую привычку прикрывать множество герменевтических грехов. Таким образом, история имеет свое насущное применение в литературоведении. Это делает читателей литературы более ответственными за правду. Это дает читателю только один возможный стандарт исторической правды, чтобы измерить истинность литературного произведения. И это устанавливает важное эмпирическое правило в литературоведческой интерпретирующей работе: если вы не можете оправдать свои претензии на верную интерпретацию историческими доказательствами, надо отказаться от этих претензий.

Не вся наука о литературе связана с политикой или социальным контекстом литературного произведения. Часто история литературы связана с самой литературой и тем, как она развивается со временем. Например, с ее направлениями и течениями. Так, романтизм был литературным, интеллектуальным, культурным и даже политическим движением в Европе примерно с 1750-го по 1850 год. Он зародился в Германии, образовательная система которой в восемнадцатом веке была впереди всей Европы, и вскоре распространился на Францию, Англию и Северную Америку. Некоторые из первых писателей-романтиков были из Германии (Гёте и Шиллер), а некоторые – американцы (Эдгар По и Хоторн).

Четыре аспекта жизни восемнадцатого века вызвали появление романтизма: индустриализм и урбанизация, рационализм и наука, неоклассицизм, аристократическое и монархическое правительство. Романтики отвернулись от городской индустриальной цивилизации и обратились к природе — к особой природе в ее более диких, более экстремальных формах, таких как высокие горы, в которых они видели источник вдохновения почти в религиозном смысле. Классические индийские религиозные тексты только что были привезены в Европу одновременно с завоеванием Индии в 1775 году, и они вдохновили на веру в то, что божество пребывает в природе. Чтобы поникнуть в дух природы, скрытый за рациональным ее ощущением, необходимо было воображение, и романтики черпали свои фантазии в своем индивидуальном гении. Романтизм отдавал приоритет эмоциям над разумом и особенно над грубой эпистемологией здравого смысла, которая была популярна в начале-середине восемнадцатого века.

Спонтанное чувство романтиков в форме «нравственной чувствительности» предлагало лучший подход к поиску идеальной истины и этики. Романтики считали, что искусство не должно следовать классовым моделям, нормам и правилам; вместо этого оно должно быть прямым выражением спонтанных эмоций, как если бы оно приближалось к истине в природе. В значительной степени либерально и радикально ориентированный, романтизм помогал вдохновлять антимонархические и антиаристократические революции, которые привели к большему пониманию социального равенства.

Мы все рождены равными, утверждал философ-романтик Жан-Жак Руссо. Цивилизация извращает природу, делая нас неравными. Такие аргументы оспаривали идеологию, поддерживающую аристократическое правление, и помогали вдохновлять Французскую революцию. Тот же романтический идеал равенства привел к радикальному демократическому движению в США в первой половине девятнадцатого века.

Природа, эмоции, равенство, противодействие несправедливым человеческим институтам, спонтанность, гений — вот некоторые из общих терминов романтической чувствительности. Например, Мэри Шелли и ее муж Перси обычно считаются романтиками. Можно посмотреть на «Франкенштейна» Мэри Шелли и увидеть массу тому доказательств, обратив внимание на то, как она описывает природу, политические идеалы, такие как равенство и свобода, несправедливость человеческих институтов, рационализм и наука, эстетический идеал возвышенного, сила индивидуального гения, «воображение», место спонтанных эмоций в жизни человека, тирания. В ее письме есть ощущение, что эмоции важнее холодной причинности здравого смысла.

Например, как пишет Майкл Райан, можно лучше узнать и понять эпоху, в которую был написан знаменитый роман Фитцджеральда «Великий Гетсби», просмотрев документальный фильм студии ABC под названием «The Century: America's Time, 1920-1929». Первая мировая война является кардинальным моментом в американской культурной и социальной истории. До этой войны страна была поглощена реформой. Это была прогрессивная эпоха, и критики большого бизнеса выиграли много битв против крупных корпораций, таких как Standard Oil, которые создали монополии в некоторых отраслях. Но консерваторы воспользовались войной и русской революцией 1917 года, которая породила изменения по всей Европе, чтобы добиться экономической демократии и равенства, но отступить от реформы. Они обошли молчанием попытку президента Вудро Вильсона присоединиться к Лиге Наций для сохранения мира во всем мире. Война привела к засилью цензуры, и собственная администрация Вильсона подавила внутреннее инакомыслие в 1919 году во время Палмерских наскоков на политических радикалов, многие из которых были иностранцами и были депортированы. С окончанием реформы страна обратилась к новым популярным формам развлечений, таким как танцевальные залы и кинотеатры, а также к политическим лидерам, таким как консервативные президенты Кулидж, Хардинг и Гувер, которые поддерживали капитализм, ограничивали регулирующие полномочия государства и использовали правительственные полномочия в борьбе против иностранной конкуренции, чтобы поддерживать высокие цены и доход богатых. Как и во всех таких периодах истории, экономическое неравенство увеличилось, и к уже в 1929 году 0,1% населения будет владеть 23% национального богатства.

Война также положила конец викторианской эпохе в культуре США, в которой моральные ценности и социальные нравы были сформированы протестантизмом. Сельская Америка по-прежнему доминировала в политике страны, что было видно по победе сельского населения над городским при принятии сухого закона, который запретил продажу алкоголя. А города еще не стали крупными современными политическими и социальными силами, которыми они станут вскоре после войны.

По мере того, как все больше молодых людей переезжали из сельской местности в города в поисках работы, зарождалась и новая культура, чему способствовало появление электричества, которое позволяло чаще развлекаться в клубах, танцевальных залах и парках развлечений по ночам. Изобретение автомобиля сделало передвижения между городом и селом более легкими и способствовало появлению более свободной сексуальной культуры – среди молодежи особенно. Подростковые свидания вскоре ушли в прошлое. Такие фильмы, как «Это» с актрисой немого кино Кларой Боу, прекрасно передают атмосферу нового свободного поведения молодых женщин, которые работали клерками или на рабочих местах низкого уровня и были одеты в очень короткие юбки, подчеркивающие новую гендерно-нейтральную форму, которая контрастировала с формой корсетов в виде песочных часов викторианской женщины. Новые формы платья позволили увеличить свободу передвижения в танцах, например, и выглядели раскрепощенно. «Танцевальное увлечение» в новую эпоху отошло от викторианского идеала правильного, регламентированного поведения молодежи.

Белая англосаксонская протестантская элита все еще доминировала в политике страны и основных экономических и социальных институтах и поддерживала свою позицию посредством политики собственной эксклюзивности. Евреям было запрещено посещать определенные школы, жить в определенных местах, вступать в некоторые клубы. Жесткие предрассудки в отношении афроамериканцев были обычным делом, и законы, предусматривающие элиминацию и неравное обращение, применялись на всей территории Юга. Нативизм стал мощной силой в политике США, поскольку ку-клукс-клан, антииммигрантская расистская организация, стал мощной силой на Юге и Среднем Западе и получил влияние в Демократической партии.

Как вся эта информация может помочь в трактовке романа Фицджеральда «Великий Гэтсби»? Его персонажи Том и Дейзи являются представителями элиты, правившей страной в то время. Почему они так негативно реагируют на партию Гатса? Что их так оскорбляет? Почему Фицджеральд пытается связать Гэтсби с евреями? Как изображаются евреи в его романе? Как изображаются молодые женщины на вечеринках? Симпатичны ли они автору? Молодые женщины на вечеринках – общая черта нашей современной культуры, но в 1920-е годы это была совершенно новая вещь. Каков замысел Фицджеральда, проявляющийся в их оценке? На все эти вопросы и помогает ответить приведенный выше экскурс в историю страны.

В то время не одобряли разводы. Тем не менее Фицджеральд, похоже, остро осознает тот факт, что браки не всегда удаются. Почему он делает так, чтобы привлечь ваше внимание к вселяющим тревогу бракам в конце второй вечеринки, на которой присутствовали Том и Дейзи? Наконец, в его тексте очень важны машины. Это роман, в котором автомобили – почти персонажи со своими собственными правами. Они функционируют как важные способы маркировать классовую принадлежность или усиливающуюся мобильность элит. Но они также становятся метафорами того, как люди жили в то время.

Вся эта экстралингвистическая информация должна, по мысли Майкла Райана, пролить свет на многие аспекты написания романа Фицджеральда.

В российском и казахстанском литературоведении сравнительно-историческое литературоведение, сравнительно-типологические и сопоставительные методы анализа доминировали на протяжении всего XX века, особенно при обращении к реалистической эстетике, призванной отражать действительность. Однако и на рубеже XX-XXI вв. историзм не потерял своей актуальности и востребованности. Чтобы объективировать свои исследования, казахстанские литературоведы нередко используют методологию и методику исторической критики – прежде всего, когда анализируют удаленные по времени от эпохи современности литературные произведения.

Вопросы для закрепления темы:

1. В чем суть исторической критики?
2. Перечислите основных представителей концепции историзма в литературоведении. Обозначьте специфику их концепции.
3. Почему эта методика анализа художественного текста до сих пор остается актуальной?

Литература:

1. Gallagher C. Marxism and the new historicism //The new historicism. /Ed. A.Veeser. N.Y., 1989. – P. 37-49.
2. Goldberg J. The politics of renaissance literature: a review essay //English Literary History. – 1982. – Vol.49. – P.514-542.
3. Redrawing the boundaries /Eds. Greenblatt S. Gunn G. N.Y., 1992.
4. Thomas B. The new historicism and other old-fashioned topics. Princeton, 1991.
5. Stevens P. Pretending to be real: S. Greenblatt and the legacy of popular existentialism // New literary history. – 2002. – Vol.33. №3.-P.491-519.
6. Graff G. Professing literature: an institutional history. – Univ. of Chicago press, 1989.
7. Pieters J. Moments of negotiation: the new historicism of S. Greenblatt. – Amsterdam, 2001.
8. Ankersmit F.R. An appeal from the new to the old historicists // History and theory. – 2003. Vol.42. №2